

Иван Аврамов

СМЕРТЬ С ПИЦЦЕЙ НА ЗАКУСКУ

ГЛАВА I

С утра голова моя была пуста, как тыква, из которой выгребли мякоть с семечками, – ни одной стоящей мысли, которая бы проросла хоть из одного, случайно позабытого в этой самой тыкве девственно-белого, влажного и скользкого семечка. Что, интересно, что я скажу своему начальнику майору Мироненко, который ласково, как бы по-дружески посоветовал: «Подумай, подумай, Максим, у тебя впереди целая ночь, авось, что и осенит». Александр Андреевич был цепким, придирчивым, ничего не забывающим человеком, и рассчитывать, что он вдруг проявит понимание и несвойственную ему мягкость к подчиненному – ладно, мол, Денис, не падай духом, где попало, время у нас еще есть, не приходилось.

Я уныло обвел взглядом свою холостяцкую, в общем и целом прибранную, но как-то по-мужски, без излишнего тщания, не говорю уж о фанатизме, кухню, вздохнул и поставил на самую маленькую конфорку электроплиты с теплым названием «Грета» – наверное, немки с этим именем обязательно согревают своей любовью

каких-нибудь счастливых Фрицев и Гансов, уже наполненную водой кастрюльку, на дне которой умещалось ровно три яйца, засекаю время, чтоб они варились не больше пяти минут и обязательно получились всмятку. Параллельно включил кофеварку – чашечка с крепким дымящимся напитком оказалась в моих руках гораздо раньше основного завтрака.

Аппетит не прослеживался, поэтому хватило одного вяло прожеванного яйца. А вот вторая порция кофе оказалась очень кстати, дельных мыслей, правда, в моей голове она не прибавила. Надо бы съесть пару яблок, они ведь стимулируют умственную деятельность, но таковых среди моих скудных припасов не обнаружилось.

Сидя в троллейбусе, я думал о преступлении, которое предстояло распутать. Очень странным оно казалось на первый взгляд. Вчера после обеда в заброшенном здании (старую трехэтажку не в центре, конечно, но и далеко не на окраине Киева умышленно, видимо, подожгли, чтобы заполучить лакомый кусочек земли и возвести потом там очередной торгово-развлекательный центр или жилой дом-небоскреб, на большее фантазии у нынешних толстосумов не хватает) ребяташками, игравшими этим погожим и ласковым сентябрьским деньком в войнушку, был обнаружен труп молодого парня. Испугались, конечно,

оповестили о мертвеце родаков, те, естественно, позвонили в полицию... Никаких документов при нем не нашли, деньги, не так уж много, триста пятьдесят семь гривен, в сумочке, которую носят через плечо, лежали, скорее всего, нетронутыми, стало быть, убийство было совершено не ради ограбления. А в том, что приходится иметь дело с убийством, сомневаться не приходилось, об этом свидетельствовала странгуляционная бороздка на шее, а еще кровавая вмятина на лбу, она могла появиться после удара каким-либо тяжелым и тупым, вроде молотка, предметом. А еще судмедэксперт Дюжев, внимательно осмотрев труп, предположил, что смерть наступила не в результате механической асфиксии, похоже, что несчастного только слегка придушили, а добились уже здесь, в этих закопченных развалинах.

– Выводы, Макс, пока что предварительные. Более точную картину узнаем после всесторонней экспертизы. Вскрытие, дорогой мой, покажет, что к чему, – не удержался, чтобы не ввернуть свою коронную фразу, Дюжев. Он и в самом деле был дюжим мужиком – огромного роста, с широченными плечами, квадратной физиономией, как раз Виктору Павловичу больше подходила роль не судмедэксперта, а какого-нибудь бандита-громилы. Однако добродушнее его во всей нашей конторе вряд ли удалось бы кого-нибудь

найти, что подтверждало старую истину – сильные люди, как правило, злым нравом не отличаются.

По большому счету, ничем особым картина этого преступления не впечатляла, если бы не одно «но» – у лица покойника, почти вплоты к нему, к подбородку, к самому, считай, рту, находилась белая пластиковая тарелочка, из разряда розовых, их обычно берут с собой в вылазки на природу, на шашлыки, а в тарелочке – аккуратно, ровно вырезанная четвертинка пиццы, обыкновенной, аппетитной, на первый взгляд, пиццы.

Более чем странно – почему, зачем здесь эта пицца? Почему, зачем – именно четвертинка? Что хотел сказать этим убийца? Весьма часто подобные «автографы», этакие замысловатые знаки оставляют маньяки, люди, у которых не все в порядке с головой, которые одержимы той или иной навязчивой идеей.

– Ишь ты, – недоуменно усмехнулся Дюжев при одном лишь взгляде на угощение. – Прямо-таки – смерть с пиццей на закуску. А может, он нам, ментам, угощение предложил? Знаю, мол, ребята, что работа у вас собачья, некогда даже перекусить, так что отведайте, не побрезгуйте пиццей-то...

Шутки шутками, но «роспись» у злодея странная и зловещая, ничего в связи с ней в бедную мою голову не приходило, хотя я и напряженно думал, не замечая, что проносится за окном

троллейбуса.

* * *

Переступив порог «конторы», я первым делом заглянул к Дюжеву. Широким жестом гостеприимного хозяина он указал мне на стул, одиноко стоявший у стенки, стянул с рук перчатки, потом снял марлевую повязку с лица:

– Ну, повторять, что это было убийство, видимо, не надобно. Совершено оно примерно позавчерашним вечером, даже, скорее всего, ночью, то есть за полсутки до того, как на мертвеца наткнулись пацанята. Опять же, Максим, я не ошибся, когда предположил, что парнишку этого несчастного слегка придушили, он, естественно, потерял сознание, ну, а расправились с ним не в развалинах этих, а где-то в другом месте – сначала отбили почки, удары ногой были мощными, целенаправленными, а потом звезданули беднягу по лбу, скорее всего молотком, ну, которым обычно забивают гвозди. Этот-то удар и оказался смертельным. Здесь обрати внимание на такую деталь: боек у молотка не квадратный, не прямоугольный, а идеально круглый...

– Как думаете, Виктор Павлович, сколько лет этому парню?

– Предположительно двадцать пять-двадцать

шесть. Может быть, студент или просто бездельник, каких сейчас навалом. По крайней мере, на руках у него ни мозолей, ни каких-либо других следов, когда орудуешь, и весьма часто, каким-нибудь рабочим инструментом. Да, скорее всего, повторяюсь, это молодой безработный, выйди на улицу, плюнь в любую сторону и обязательно попадешь в такого...

– А что с пиццей?

– А ничего. Я ее съел, – пошутил Дюжев. – Вкусная, пальчики оближешь... Хотел и тебе кусочек оставить, да не удержался, съел целиком...

– Я серьезно, Виктор Павлович, – произнес я, думая уже о предстоящей встрече с майором Мироненко.

– Ну, ладно, Макс, и правда – шутки в сторону.

– Что-нибудь конкретное можно сказать об этом кулинарном изделии? Удивляюсь вообще-то, как его не сожрали какие-нибудь голодные псы...

– Макс, тебе что-нибудь говорит такое имя – Марк Апиций?

– Марк Аврелий – да, такого знаю... А этого... Апиция – нет. Могу разве лишь догадаться, что он тоже был римлянин.

– Да, Макс, ты не ошибся насчет его гражданства, а жил этот товарищ в первом веке до нашей эры, и известен тем, что его перу

принадлежит опять же первая, можно сказать, книга о пицце, вернее, о ее многочисленных «прабабушках» – много Марк Апиций приводит вкусных таких рецептов. Я, конечно, не смею считать себя суперэкспертом по такому популярному яству, порция уже ушла к специалистам узкого профиля, единственное, что скажу навскидку – сдается мне, что эту лепешку-пирог испекли в домашних условиях, и весьма неплохо, очень даже умело. Вернее, саму лепешку купили где-нибудь в супермаркете, замороженный полуфабрикат, а все остальное – самодеятельность. Тесто, Максим, дрожжевое, начинка, или покрытие, как хочешь – колбаса, расплавленный сыр «моцарелла», сладкий болгарский перец, помидоры, естественно. Кстати, классический, нынешний, так сказать, вид пицца приобрела в 1522 году, когда Европа узнала, что такое помидоры, ну, а вообще, способов приготовления пиццы существует сотни, даже тысячи...

– Вашей эрудиции, Виктор Павлович, можно только позавидовать, – искренне похвалил я Дюжева.

– Брось, Макс, – тоже вполне искренне отмахнулся Дюжев. – Я ведь тоже иногда становлюсь похожим на студента, который готовится к экзамену – читаю, листаю специальную

литературу, особенно если в этой области не столь уж большой дока...

– Последний вопрос – а почему вы считаете, что тесто для пиццы купили в супермаркете, а не испекли дома?

– Да очень просто, дорогой мой, я обратил внимание на толщину лепешки – в супермаркетах, пиццериях она куда тоньше, нежели, если моя, скажем, жена раскатает тесто... Ты ж иногда тоже покупал эту вкуснятину и нес потом на руках, как хлеб-соль, врученный почетному гостю?

– Да, Виктор Павлович, – засмеялся я. – Вашей наблюдательности можно только позавидовать...

ГЛАВА II

Ну что, что я мог сказать своему непосредственному начальнику майору Мироненко? Что ни одной стоящей, дельной мысли об этом странном убийстве в моей голове не появилось? Впрочем, меня несколько выручили славные ребята итальянцы, а если точнее, древние греки и римляне, которые не от очень-то хорошей жизни шлепали на ломти хлеба все, что подвернется под руку, эту вот методу унаследовали в прекрасные средние века и не шибко заможные жители «сапожка», запекая тесто со всем тем

съестным, что отыщется в кладовке, даже если там хоть шаром покати.

– И чем порадует меня восходящее светило отечественной криминалистики? Вернее – уже взошедшее светило? – с живейшим интересом, едва я переступил порог, уставился на меня Александр Андреевич.

– Стыдно признаваться, но чего-то стоящего кот наплакал, – смиренно произнес я, застенчиво отведя глаза в сторону. – Возможно, что-то даст опрос окрестного люда, хотя рассчитывать на успех особо не приходится – кому нужны эти развалины ночью, порядочный человек постарается обойти их десятой дорогой. Справлюсь по базе о без вести пропавших, хотя и рановато это делать, родные или друзья убитого наверняка еще его не хватились. Проверим и отпечатки пальцев – а вдруг этот паренек в розыске. Единственная, Александр Андреевич, конкретная, более или менее, конечно, зацепка – над этим странным куском пиццы немножко потрудился неведомый мастер домашней выпечки. Или мастерица... Вывод, правда, предварительный, более квалифицированное заключение поступит вечером или завтра утром, но Дюжев по крайней мере считает, что тесто фабричное, а начинка – домашняя... Никто этот пирог в готовом виде в пиццерии не покупал...

– Толку-то, – нахмурился Мироненко. – Ну,

скажет эксперт, выпечка, так сказать, наполовину фабричная, и что? Знаешь, сколько в Киеве подобных заведений? Даже если кто и купил эту итальянскую лепешку в «Сильпо» или еще там где, ну, кто вспомнит этого покупателя, если таких тысячи?

– Доставку, коль так, тоже исключаем. И делаем вывод, что не конченный он дурак, чтобы купить готовый продукт и... И легко подставиться, – заметил я.

– Да, Максим, связываться с любимой едой макаронников – это дохлый номер, – согласился майор. – Будь оно все наоборот, будь мы в маленьком городке, еще можно было бы на что-то надеяться, а в мегаполисе...И все же мне покоя не дает эта его «визитная карточка». Более чем странный знак... Псих, что ли? Маньяк?

– Псих не псих, маньяк не маньяк, а убийство вполне обдуманное, пожалуй, даже до мелочей. Предварительно оглушил жертву в одном месте, расправился окончательно в другом, «упокоил» в третьем. Нет, Александр Андреевич, он не псих, а вполне расчетливый, как мне сдается, душегуб.

– Как знать... И все-таки, Макс, рой, рой землю, помнишь библейское -«ищущий да обрящет»?... Может, что-то и появится на горизонте, хотя не исключаю, что имеем дело с «глухарем»...